НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИЛИЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ

В бассейне р. Или, до недавнего времени оставшемся белым пятном на карте распространения древнетюркского рунического алфавита, стали известны четыре небольшие надписи в стиле тюркской руники (три на северных склонах хребта Кетмень в Уйгурском районе, одна на северном склоне хребта Кунгей Алатау в Кегенском районе Алма-Атинской области), однако первая попытка прочитать эти надписи не принесла успеха [1]. В данной заметке предлагаются фотографии, заново проверенные прориси и исправленное чтение илийских рунических надписей.

1. Надпись из ущелья Терексай (левый берег р. Большая Аксу), рис. 1а, б.

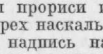
Эта надпись высечена на труднодоступной отвесной скале в узком проходе, удобном для охоты на зверя (последнее обстоятельство, как увидим ниже, имеет прямое отношение к содержанию надписи).

Руническая надпись состоит из трех вертикальных строк — четыре знака в правой строке, рунический знак и скелетное изображение горного козла (идеограмма «ТЕКЕ») посредине и четыре знака в левой строке. Несколько необычным для тюркской руники является начертание знаков *i*, *z* и *q*. Из них первый встречается в тех енисейских и таласских рунических надписях, которые читаются слева направо (зеркальный вариант буквы *i*, ср. *p*), другой имеет полную аналогию во втором таласском памятнике [2], а третий представляет собой переходный вариант между иртышским прототипом q^3 и начертанием *q* (перед или после негубного узкого гласного *i*) в Онгинском памятнике, ср. арамейский с тем же значением.

Надпись читается снизу вверх и справа налево:

(1) *isiz*
(2) $^{a}\check{a}d$
(3) $q^{i}s^{i}q\ ^{a}ŋ$

(изображение горного козла — «ТЕКЕ»)

Перевод: «Горный козел — добро без присмотра, притесненный (загнанный на охоте) зверь». Лексика надписи: *isiz* «находящийся без присмотра, беспризорный» (ср. казах. *ecіz* с тем же значением, кирг. *эсиз* «горемычный, бедненький, болезный», в «Кутадгу билиг» *äsiz* «дурной»); *äd* «имущество, добро, благо» (употребляется в «Кутадгу билиг»); *qisiq* «стесненный, зажатый», от глагола *qïs-* «давить, жать; притеснять, принуждать» (ср. в Онгинском памятнике *qïsmïs* «он притеснил», кирг. *кысык* «сжатый, сдавленный, узкий; теснина, узкий проход»); *aŋ* «зверь, дикое животное (как предмет охоты)». По содержанию рассмотренную руническую надпись, скорее всего, следует отнести к сфере охотничьей магии.

2. Надпись из ущелья Садыр (правый берег р. Большая Аксу), рис. 2 а, б.

Знаки надписи высечены на скальной плоскости посреди различных изображений. Судя по степени «пустынного загара», силуэтные изображения горного барана-архара и горных козлов-таутеке вместе с контурным изображением сдвоен-

[1] А. С. Аманжолов, Древние надписи и петроглифы хребта Кетмень (Тянь-Шань), «Изв. АН КазССР», Серия общественная, 5, 1966 (даны прориси и предположительное чтение трех наскальных рунических надписей, надпись на гранитном валуне была принята за руническую ошибочно); Г. Г. Мусабаев, Кегенская надпись, «Вестник АН КазССР», 3 (263), 1967 (автография и вольное чтение рунической надписи на «каменной бабе» — древнетюркском гранитном изваянии воина, обнаруженной, как выяснилось, в 1961 г. К. А. Акишевым).

[2] Ч. Джумагулов, Второй таласский памятник, сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.)», Фрунзе, 1962, стр. 26.

[3] А. С. Аманжолов, Еще раз об иртышской рунической надписи, «Вестник АН КазССР», 9 (269), 1967, стр. 67.

Рис. 1а

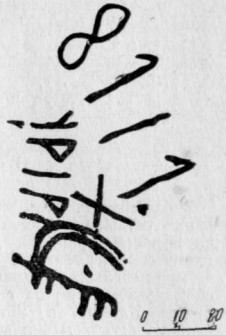

Рис. 1б

ного цветка являются первоначальными в данной экспозиции. Впоследствии были выбиты легкой насечкой скелетные изображения охотника с арканом, горных козлов, всадника на лошади, снежного барса и знаки надписи (все они сделаны поверх старых изображений и, по-видимому, в одно время).

Надпись состоит из горизонтальной строки с тремя знаками под условной сценой случки диких животных и над изображением загадочного цветка, а также рунического знака возле всадника на лошади и барса. Знак обозначает в тюркской рунике звук *t* (как правило, мягкого слога), он совпадает графически и по звуковому значению с финикийской буквой «tau». Знак по начертанию несколько отличается от орхонского *o*, *u* и в то же время он идентичен древнегреческой букве «*ūpsilon*» (*u*, *ü*); орхонский знак *ö*, *ü* сближается с другими вариантами той же буквы — и . Знак , как можно допустить, имеет здесь не буквенное, руническое значение (*ld*, *lt*), а числовое значение 10 000, согласно греческой аттической цифровой системе. Благодаря недавней находке в долине р. Или наскальной надписи на архаическом греческом алфавите [4], эти аналогии получают реальное историческое подтверждение.

Надпись читается справа налево:

(1) *tō ld*^{ā} (? *tü* «TÜMÄN»)

(2) $^{a}\rho$

Перевод: «Размножайся (? множество, 10 000), промысловый зверь!» Глагол *tōldā-* «размножаться, плодиться, давать приплод» (< *töl* «приплод» + архаический [5] аффикс *-dā*, ср. кирг., алт. *төлдө-*, казах. *төлде-* [*төлдө-*] и к.-калп. *төлле-* в том же значении) употреблен в форме 2-го лица повелительного наклонения, совпадающей с основой глагола. В другом варианте чтения можно усмотреть слово *tü* «количество, число» (ср. *tümän* «десять тысяч; несметное количество, тьма, множество», *tümän tü* «бесчисленный; несметное количество» в «Кутадгу билиг») и идеографическую логограмму со значением «10 000».

В любом случае данная руническая надпись представляет собой магическое заклинание, назначение которого — умножить численность зверей и тем самым обеспечить своему роду удачу в охотничьем промысле.

3. Надпись из ущелья Надыр (правый берег р. Баян-Казак), рис. 3 *а*, *б*.

Надпись вырезана на выступе скалы поверх сильно потемневших силуэтных изображений горных козлов и двух знаков , известных в тюркской рунике как идеограмма «БАШ» (голова, глава). Верхняя часть надписи — рамка с изображением горного козла. Это, вероятно, родовая тамга или геральдический знак.

[4] А. С. Аманжолов, Опыт историко-культурной интерпретации одной «древнегреческой» надписи (доклад, прочитанный на III Всесоюзной конференции по истории, культуре и филологии Древнего Востока 4 февраля 1966 г. в Москве); A. Amanžolov, An «Ancient Greek» inscription from the Region of Alma-Ata, AO, 35/1, 1967.

[5] См.: Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 175.

Рис. 2а

Рис. 2б

Рис. 3а

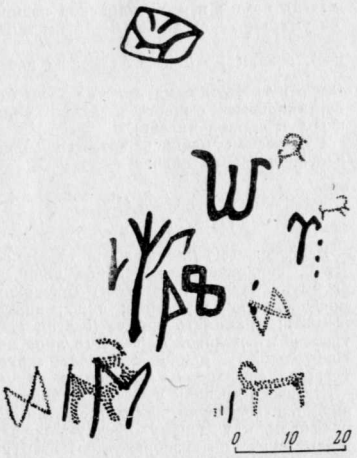

Рис. 3б

а *б*

Рис. 4

Несколько ниже — еще один тамгообразный знак. Затем следуют две горизонтальные строки рунических знаков. Необычные знаки $\bigotimes$ *z* и P *q* уже отмечены нами в первой илийской надписи из ущелья Терексай (в 10—15 км западнее), а знак P *ŋ* имеет такое же начертание в третьем памятнике из Тувы (где вертикальные строки читаются снизу вверх и справа налево).

Руническая надпись читается справа налево и сверху вниз:

(1) $^{a}r : {}^{a}z^{i}q\ i\check{c}^{i}ŋ$
(2) $^{a}s^{a}\ ld^{a}s$

Перевод: «Муж, поешьте съестного! Друг, соплеменник». Лексика надписи: *ar* «муж, воин», *azïq* (*azuq*) «провиант, продовольствие, съестное; пища; корм», *ič*-«пить; принимать пищу» (глагол употреблен в вежливой форме 2-го лица повелительного наклонения), *as* «друг, товарищ, союзник» и *aldas* «соплеменник».

Эта очень древняя руническая надпись является, бесспорно, заклинательным обращением к родовому предку-покровителю (судя по изображению вверху, это — «ТЕКЕ»).

4. «Надпись на каменной бабе» из урочища Мынжилкы (р. Каркара), или «Кегенская надпись» по Г. Г. Мусабаеву, рис. 4 *а*, *б*, *в*.

Изваяние воина ростом около двух метров, не считая отломленной головы, было обращено лицом на восток и наклонено назад (рис. 4*а* — фотоснимок 1961 г., выполненный А. Махмутовым и предоставленный нам К. А. Акишевым). В правой руке у изваяния кубок, левая рука на рукояти палаша, подвешенного к поясу. Справа колчан и другие предметы с узорами или тамгами. Слева по подолу халата, по сообщению Г. Г. Мусабаева, выбита «руническая надпись» из пятнадцати знаков.

В «надписи» несколько отличаются от «классического» орхонского образца четыре знака: знаки для *q* и *k* в соседстве с губными гласными, знак для мягкого согласного *g* и знак для губных гласных заднего ряда *o*, *u* (последний симптоматично совпадает в написании с древнегреческой буквой Y «ϋpsilon»).

«Древнетюркская руническая надпись» из трех строк читается справа налево и сверху вниз следующим образом:

(1) $uqγ^{a}n$ (? $oq^{ï}γ^{a}n) : {}^{a}lïï$
(2) $b^{o}kt^{a}g$
(3) $^{a}lu : {}^{a}rt$

Перевод: «Внявший (призвавший [отведать жертвенных угощений]), пребывай в полном достатке и изобилии, получив (в помощь) шесть благодатей!».

Лексика «надписи»: *uqγan* (или *oqïγan*)— причастная форма глагола *uq-* «внимать, понимать; покоряться» (или *oqï-* «звать, приглашать; читать»); *altï* «шесть»; *bŏktăg* «помощь, благодать» (ср. парное слово *bujan bŏktăg* «благодатная помощь» в «Покаянной молитве манихейцев»); *alu* — деепричастная форма глагола *al-* «брать, принимать, получать»; форма 2-го л. повелит. накл. глагола *art-* «быть в излишке; увеличиваться, умножаться; переваливать».

При непосредственном обследовании мною каменной бабы в урочище Мын-Жилкы (Кегенский район Алма-Атинской области) 28 апреля 1969 г. эта «руническая надпись» не была обнаружена. На месте «рунических знаков» я нашел лишь изображения различных предметов (кинжал, сосуд вроде кумгана или колчан?, фляга), вырезанные по граниту на левом боку каменной бабы. Очертания этих предметов, были вероятно, приняты за рунические графемы. Таким образом, «надпись» на каменной бабе, опубликованная в 1957 г., Г. Г. Мусабаевым и изображенная на рис. *4б*, *4в*, можно считать мистификацией.

В археологической литературе неоднократно высказывалось предположение, что именно Семиречье (долина р. Талас) явилось колыбелью первого в истории тюркоязычных племен алфавитного письма [6]. В связи с найденной в долине Иртыша прототюркской рунической надписью и ввиду того, что весьма архаичные по своему почерку, в отличие от «классического» шрифта орхонских надписей VIII в., рунические надписи с Енисея и горного Алтая (за исключением надписей на золотых и серебряных предметах из погребений VI—VIII вв.) не имеют надежной датировки [7], вопрос о месте первого применения тюркского рунического алфавита трудно решить безоговорочно, даже если бы удалось доказать его присутствие в Семиречье в эпоху ранних кочевников (надписи из Таласской долины также не имеют надежной датировки, хотя знаки на деревянной пластинке *отличаются своим* архаичным начертанием).

[6] См.: С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.— Л., 1949, стр. 344—345; А. М. Щербак, Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи (К вопросу о языке и письменности печенегов), «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», II, М.— Л., 1959, стр. 388.

[7] И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя енисейка, Фрунзе, 1962, стр. 23—30; Э. Р. Тенишев, Древнетюркская эпиграфика Алтая, «Тюркологический сборник», М., 1966, стр. 265.

А. С. Аманжолов

К ПРОБЛЕМАМ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Широко развернувшаяся в последние годы работа по лексикографической обработке диалектного материала — как русского, так и других языков,— естественно, привела к усилению внимания диалектологов к целому ряду теоретических вопросов. Прежде всего возникает вопрос о характере диалектных словарей — должна ли включаться в диалектный словарь вся лексика, употребляющаяся в диалектах, или возникает необходимость отбора из всего лексического состава диалектов определенной части лексики? Иными словами, какой тип словаря следует предпочесть: полный или дифференциальный, основанный на каких-то дифференциальных признаках диалектной лексики?

Присоединение к той или иной точке зрения еще не означает, однако, решения всех вопросов, связанных со структурой диалектного словаря. Выбор дифференциального типа словаря, к созданию которого склоняется большинство диалектологов [1], не определяет конкретного характера этого словаря, принципов отбора диалектной лексики, ибо дифференциальность словаря понимается разными учеными по-разному.

Ф. П. Филин, посвятивший различным проблемам диалектной лексикографии много статей и докладов, организатор, автор и главный редактор уже выходящего в свет «Словаря русских народных говоров», в своих ранних статьях считал единственным критерием помещения слова в диалектный словарь наличие у него изоглоссы. «Словарный диалектизм (единственный объект областного словаря), — пишет Ф. П. Филин,— слово, территориально ограниченное в своем употреблении, имеющее диалектную изоглоссу» [2]. В более поздних ра-

[1] Как правило, сторонники дифференциального типа диалектного словаря не отрицают теоретической возможности создания полных диалектных словарей, а лишь исходят из существующих реальных возможностей диалектной лексикографической работы.

[2] Ф. П. Филин, Об областном словаре русского языка, «Лексикографический сборник», II, М., 1957, стр. 5.